Соционические типы романа «Бесы»

Степан Трофимович Верховенский

«Скажу прямо: Степан Трофимович постоянно играл между нами некоторую особую и, так сказать, гражданскую роль и любил эту роль до страсти, так что, мне кажется, и прожить без нее не мог. Не то, чтобы я приравнивал его к актеру в театре; сохрани боже, тем более, что я и сам его уважаю. Тут все могло быть делом привычки или, лучше сказать, беспрерывной и постоянной склонности, с детских лет, к приятной мечте о красивой гражданской своей постановке. Он, например, любил свое положение «гонимого» и, так сказать, «ссыльного». В обоих этих словечках есть своего рода классический блеск, соблазнивший его раз и навсегда, и, возвышая его постепенно в собственном мнении в продолжении многих лет, довел его, наконец, до некоторого весьма приятного для самолюбия «пьедестала». Я привела эту довольно длинную цитату потому, что она как нельзя лучше характеризует этот персонаж романа «Бесы». Можно почти наверняка сказать, что это *Гамлет* (ЭИЭ, ET). Но все–таки стоит привести еще некоторые доказательства. Степан Трофимович постоянно призывал к труду, утверждая, что без этого нельзя иметь собственное мнение. В доказательство он ссылался на немцев, называя их учителями русских. В этом, по-видимому, сказалась его суггестивная функция, так как интегральный тип немецкой нации —
Максим
(ЛСИ, LF). После свидания с Варварой Петровной он вдруг вставал с дивана и начинал колотить руками о стену. Такая несдержанность более всего характерна для линейно-напористого темперамента. Его активационная функция —
волевая
сенсорика
(F) — проявлялась тогда, когда он бывал по-настоящему оскорбленным. Так, например, он, казалось, готов был покориться судьбе, когда Варвара Петровна наказала ему жениться на Даше для покрытия грехов своего сына. Но в результате грубой провокации Петра Верховенского он понял, что сподличал, и проявил настоящую силу характера, правда, ненадолго. Такая же вспышка произошла, когда у него в доме устроили обыск. Он безумно трусил (его болевой функцией была белая сенсорика) Но при встрече с губернатором держал себя с незаурядным достоинством, вынудив его извиниться. Когда же губернатор признался, что несчастлив, пассивно-контролирующая функция подсказала Степану Трофимовичу правильный ответ: «Ваше превосходительство, не беспокойте себя моей сварливою жалобой и велите только возвратить мои книги и письма …». Его эталонная функция —
интуиция
возможностей
(I) — подсказала ему, что единственным выходом для него будет бегство из города. Но это оказалось бегством в никуда. Таким образом, это
Гамлет
(ЭИЭ, ET).

Варвара Петровна

Варвара Петровна была супругой генерал-лейтенанта и богачкой. Автор характеризует ее как женщину-классика и женщину-меценатку, действовавшую только из высших соображений. Он пишет, что двадцатилетнее влияние этой высшей дамы на Степана Трофимовича было капитально, и их соединяла самая тонкая и деликатная связь. Мое предположение заключается в том, что Варвара Петровна — *Максим* (ЛСИ, LF) и у нее со Степаном Трофимовичем
дуальные
отношения. «Если он писал ей по письму, а то и по два в день, то она их внимательно прочитывала, а прочитав, складывала в особый ящик, помеченные и рассортированные». Такое поведение указывает на то, что ее программной функцией была
структурная
логика
(L). Затем она выдерживала своего друга без ответа весь день, а утром встречалась с ним как ни в чем не бывало. По-видимому, у этой дамы был уравновешенно-стабильный темперамент. Автор упоминает о ее невероятной злопамятности, что в применении к соционике нередко бывает связано с болевой
интуицией
возможностей
(I
4
). Она сочинила Степану Трофимовичу костюм, в котором он проходил всю свою жизнь: длиннополый сюртук, мягкая шляпа, белый галстук, трость с серебряным набалдашником. В этом костюме он походил на поэта Кукольника. Эта черта говорит о том, что Варвара Петровна была
сенсориком
. Ее суггестивной функцией была
этика
эмоций
(E). Другими словами, она была сентиментальна, чем объясняется не только ее дружба со Степаном Трофимовичем, но и неосторожное отношение с Марьей Лебядкиной. Стоило той поцеловать ей руку, как Варвара Петровна не только дала ей денег, но и привела к себе домой. Дальше события уже развивались помимо ее воли. Ее
болевая
функция —
интуиция
возможностей
(I) — подверглась сильнейшему испытанию со стороны родного сына, который тоже был ее
дуалом
. О нем речь впереди, но пока замечу, что его
экстравертная
этика

эмоций
в сочетании с
интуицией
возможностей
привела к браку с хромой, уродливой и безумной Марьей Лебядкиной. Брак скрывался в течение долгого времени, и она могла о нем только догадываться по намекам и анонимкам. Кроме того, до нее доходили слухи о связи ее сына с другими женщинами, в частности, с ее воспитанницей Дашей. Наконец, когда неопределенность стала для нее невыносима, она решила разрубить этот гордиев узел, женив Степана Трофимовича на Даше. При этом она действовала так прямолинейно, что всерьез его обидела, что привело к разрыву. Но когда она узнала, что Степан Трофимович в полном отчаянии отправился путешествовать и заболел, то включилась в действие её эталонная функция —
сенсорика
ощущений
(S). Она ухаживала за умирающим и проводила его в последний путь. Таким образом, Варвара Петровна принадлежит если не к лучшим, то ко вполне достойным представителям соционического типа Максим. Она честна, надежна, на ее слово можно положиться. Она заботится не только о близких, но даже о незнакомых людях.

Николай Ставрогин

Как-то Ставрогин заметил, что все ему навязывают какое-то знамя. Шатов считал, что Ставрогин мог бы поднять знамя истинной православной веры. Верховенский рассчитывал на его, как он выразился, необыкновенную способность к преступлению. Про него говорили, будто он заманивал и развращал детей, что сам маркиз де Сад мог бы у него поучиться, что в Петербурге он состоял в секретном обществе сладострастников. На самом деле ни к какому секретному обществу он не принадлежал и детей не обижал. Правда заключалась в том, что у него была исключительная тяга к эмоциям, и он очень хорошо умел ими манипулировать. Это был ярко выраженный представитель соционического типа *Гамлет* (ЭИЭ, ЕТ). Он получал удовольствие как от добра, так и от зла. У него это доходило до болезни. Однажды он прославился тем, что провел за нос чиновника, имевшего привычку публично хвастать, что его никто не проведет за нос. Потом он публично поцеловал одну даму в присутствии ее мужа. Одна из его выходок кончилась тем, что он женился на хромой и безобразной Марии Лебядкиной и вынужден был терпеть шантаж и угрозы ее брата, пока не убил их обоих руками уголовника. Суггестивная функция
Гамлета
—
структурная
логика
(L). Она проявляется в том, что этот тип требует от людей системного мышления и предсказуемого поведения. Ставрогину в романе встречаются люди с
программной
структурной

логикой
, но никто из них не в состоянии ему помочь. Шатов (
Робеспьер
, ЛИИ, LI) был зауряден, и, по сути, сам ожидал от Ставрогина эмоциональной помощи. Когда-то Ставрогин ему доказал, что если истина вне Христа, то лучше быть с Христом, чем с истиной. С тех пор Шатов так и не уверовал, но рассчитывал, что они со Ставрогиным будут добывать Бога трудом, потому что это нужно народу. Ставрогину эта идея показалась бесперспективной. Петр Верховенский был по своему
соционическому
типу
Максимом
(ЛСИ, LF), то есть
дуалом
Ставрогина. К сожалению, соционических отношений не всегда хватает для взаимопонимания. Пётр Верховенский сам признался, что он мошенник. Бывают, конечно, и
Гамлеты
-мошенники, которым нет дела до того, какой идеей манипулировать, лишь бы их слушали, но Ставрогин был по-настоящему незаурядным человеком. Он чувствовал в себе огромные силы и не знал, куда их применить. Кириллов (
Робеспьер
, ЛИИ, LI) был по-настоящему незаурядным человеком. Его идея о том, что надо преодолеть страх и покончить с собой, тогда станешь Богом. Это была по-настоящему величественная идея, которая в 20-м веке вдохновила некоторых философов-экзистенциалистов. Но Ставрогин резонно полагал, что для воплощения такой идеи надо быть не вполне нормальным. Он не хотел стреляться, чтобы доказать людям свое величие, и решил по-своему бросить вызов обществу. Он собрался опубликовать свою исповедь, чтобы обнародовать самые скверные поступки своей жизни: о том, как соблазнил четырнадцатилетнюю девочку, как украл у бедного чиновника его последние деньги, единственно, из удовольствия. Но видимо, что-то его останавливало, возможно, его наблюдательная функция —
этика
отношений
(R). Он решил посоветоваться с Тихоном, бывшим архиереем. Эту идею ему подал Иван Шатов, сказав, что к нему многие ездят. Тихон был
Достоевским
(ЭИИ, RI) по своему соционическому типу и хорошо разбирался в человеческих отношениях. Он объяснил Ставрогину, что тот будет не интересен, а смешон, и все его будут презирать, в том числе его любимая женщина. Этого он вынести не мог. Он совершил преступление и покончил с собой.

Петр Верховенский

«Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и их

колыбелью, наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв, и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущения, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, о, наших много, много, и сами того не знают». Перед нами — представитель соционического типа *Максим* (ЛСИ, LF). Окружающим очень трудно было понять, до какой степени он себе на уме. Он много говорил, и его слова сыпались, точно бисер. Со всеми перезнакомился и постоянно бывал на приемах, учился ездить верхом. Очень следил за собой. При всей внешней суетливости, он никогда не спешил и удивительно владел собой. Его мысли были спокойны и окончательны. Благодаря своей
волевой
сенсорике
(F), он мастерски манипулировал людьми, используя для этого не столько убеждение, сколько психологическое давление, а также шантаж. Его болтливость, видимо, тем и объяснялась, что он постоянно испытывал все новые способы воздействия, проверяя, какой из них сработает. Этим он отличался от Николая Ставрогина, который говорил мало, но всегда попадал в точку. Он был сентиментален, так как
этика
эмоций
(E) была его
суггестивной
функцией. Своего
дуала
Ставрогина он воспринимал как сказочного Ивана Царевича. Он рассчитывал сделать из него легенду, то есть до поры до времени скрывать его от народа, а потом предъявить как носителя новой правды. Ставрогин понял, что из него хотят сделать самозванца, вроде Гришки Отрепьева, и решил, что Пётр помешался. Но тот был вполне серьезен и решил привязать Ставрогина к себе, убив его жену и приведя к нему любимую женщину. Как все
Максимы
, Пётр Верховенский плохо разбирался в людях, поскольку
этика
отношений
(R) была его ролевой, а не программной функцией. Он думал, что Николай Ставрогин будет ему благодарен за избавление от ненавистной жены, а Лиза — за то, что он свел ее с любимым человеком. Когда же дело было сделано, он искренне удивился тому, что никто не радуется. Сначала он спросил Ставрогина, почему тот, как благородный человек, не отвез Лизу домой, если он ее не любит. Потом предположил, что у них ничего не получилось из-за волнений, и, наконец, сказал, что паясничал, чтобы насмешить Ставрогина. В ответ последний рассмеялся, пояснив при этом, что смеется над своей обезьяной.
Дуал
действительно бывает похож на обезьяну, когда пытается подражать сильным сторонам своего
дуала
. Итак, перед нами

Максим
.

Иван Шатов

«Это было одно из тех идеальных русских существ, которые вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже и навеки». Моя версия заключается в том, что Шатов — *Робеспьер* (ЛИИ, LI). Автор отмечает, что наружность Шатова вполне соответствовала его убеждениям. Он был неуклюж, белокур, косматый, низкого роста, с широкими плечами, толстыми губами и очень густыми нависшими белобрысыми бровями, с неприветливым, упорно потупленным и как бы чего-то стыдящимся взором. Такая наружность свидетельствует скорее об *интроверсии*, чем об *экстраверсии*, и скорее о *логике*, чем об *этике*. Он был постоянно угрюм и неразговорчив. Нередко, когда затрагивали его убеждения, раздражался болезненно и был очень уж невоздержан на язык. Его идея заключалась в том, что он верил в богоизбранность русского народа и утверждал, что атеист не может быть русским. Идея русского Бога, которую он получил от Ставрогина, носила у него явно головной характер. На вопрос Ставрогина, верует ли он в Бога, ответил, что верует в Россию, в православие, в тело Христово, и, наконец, с трудом выжал из себя признание, что в Бога он только собирается поверить. *Экстравертная сенсорика* (F) была его *болевой* функцией. Он принципиально отказывался от силового воздействия на других людей и не принимал силового воздействия на себя. Зато в том единственном случае, когда он применил насилие, он сделал это безо всякой рисовки. Он дал пощечину Ставрогину «*по-особенному, не так, как принято давать пощечины, не ладонью, а кулаком, а кулак у него был большой, веский, костлявый, с рыжим пухом и веснушками. Если бы удар пришелся по носу, то раздробил бы нос. Но он пришелся по щеке, задев левый край губы и верхних зубов, из которых тотчас же потекла кровь*». Он ударил его потому, что не мог иначе выразить своего отношения к тому, что считал подлостью. В Америку он ездил специально, чтобы испытать на себе тяжелую жизнь американского рабочего. Разумеется, он мог бы проделать этот опыт в любой из русских губерний, но, видимо, его творческая *черная интуиция* (I) требовала большего. Его суггестивная *этика*

эмоций
(E) проявилась, когда к нему приехала жена. «Шатов стоял перед ней через комнату в пяти шагах и робко, но как-то обновлено, с каким-то небывалым сиянием в лице ее слушал. Этот сильный и шершавый человек, постоянно шерстью вверх, вдруг как-то весь смягчился и просветлел. В душе его задрожало что-то необычное, совсем неожиданное. Три года разлуки, три года расторгнутого брака не вытеснили из души его ничего. И может быть, каждый день в эти три года он мечтал о ней, дорогом существе, когда-то сказавшем ему «люблю». Этот отрывок говорит не только о
суггестивной
этике
эмоций
, но и об уравновешенно-стабильном темпераменте. В пользу его соционического типа говорит и слабая
деловая
логика
(P), позволившая ему с величайшим трудом взять взаймы пять рублей у Лямшина. Это
Робеспьер

.

Алексей Кириллов

Он был так похож на Шатова, что они казались братьями. Задумчив, рассеян, сидел нахохлившись, и, казалось, был на что-то сердит. Говорил отрывочно и путался, если приходилось составить фразу целиком. Если про Шатова в романе сказано, что трудно представить ту нищету, которую он был бы не в состоянии вынести, то про Кириллова можно сказать то же самое. Его болевая *черная сенсорика* (F) заключалась в том, что он болезненно воспринимал свою слабость и постоянно занимался гимнастикой. Возможно, этим же объясняется и то, что он, будучи бедным, почти нищим человеком, приобрел щегольские и чрезвычайно дорогие пистолеты. В отличие от Шатова Кириллов был атеистом, но его мировоззрение было куда более абстрактно и оригинально. Он отвергал Христа как «боль страха смерти» и на его место ставил человека, перерожденного физически. По его мнению, стоило человеку преодолеть страх смерти, как он становился Богом. Эта идея оказалась очень плодотворной. С ней соглашался Ницше, на ней отчасти базировались экзистенциалисты. Горький, не любивший Достоевского, тем не менее воспевал гордого и свободного человека, то есть, по сути, сверхчеловека. Но эта идея была слишком абстрактна и потому нежизнеспособна. Единственным способом доказать ее другим было покончить с собой. Кириллов привык накачивать свою *волевую се*
нсорику
и, несомненно, справился бы со страхом смерти. Но он не учел, что рядом окажется Пётр Верховенский, у которого
волевая

сенсорика
была творческой функцией. Он захотел воспользоваться самоубийством Кириллова, чтобы свалить на него убийство Шатова, и давил на него, многократно увеличивая его страдания. Таким образом, самоубийство оказалось для Кириллова гораздо более мучительным, чем могло бы быть. Из его рассуждений о счастье видно, что
этика
эмоций
(Е) является для него суггестивной функцией. «Человек несчастлив, потому что он не знает, что он счастлив, только поэтому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту!». Ставрогину, с его программной
этикой
эмоций
(Е), было дико это слышать. Он решил пошутить и сказал, что Кириллов, должно быть, уверует в Бога, когда узнает, что он верит. Кириллов не принял этой шутки и даже обиделся. Дело в том, что Бог не входил в систему его ценностей и не вызывал положительных эмоций. Его разговор с Петром Верховенским может служить примером того, как
родственные
типы давят на болевые функции друг друга. Пётр Степанович напоминает Кириллову о его решении покончить с собой и выражает надежду, что он ему не изменит. Кириллов, не приемлющий никакого силового давления, отвечает, что не признает измены и неизмены. Этим он воздействует на
интуицию
возможностей
(I), которая является
болевой
функцией Петра Степановича. Тот не выносит неопределенности: «
Дело требует точности, а вы меня ужасно как горошите
». В тот раз Верховенский прервал разговор, но зато, когда Шатов был убит и отступать ему было уже некуда, эти двое схватились насмерть, поскольку силы у них были равны, а темпераменты уравновешенно-стабильные. Один говорил, что обязан уверовать в то, что он не верит, а другой гадал, застрелится этот сумасшедший или не застрелится. Перед смертью Кириллов умудрился укусить Верховенского за палец, причинив ему невыносимую боль. Так в последний раз сработала его болевая функция. Это был
Робеспьер
(ЛИИ, LI).

Шигалёв

Автор характеризует эту личность следующим образом: «*В жизнь мою я не видал в лице человека такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Он смотрел так, как будто ждал разрушения мира, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествам, которые могли бы и не состояться, а совершенно определенно, этак послезавтра утром, ровно в двадцать пять минут одиннадцатого* ».
Мое предположение заключается в том, что Шигалёв —

Бальзак
(ИЛИ, ТР). Уже из этого описания видна его сильная
интуиция
времени
(Т) и пассивно контролирующая
интуиция
возможностей
(I). Особенно ярко эта черта проявляется на собрании «наших», то есть нигилистов, на которое он принес толстую тетрадь, исписанную чрезвычайно мелким почерком. Он объявил собранию, что у него десять таких тетрадок и в них уложена вся система устройства общества. Он готов изложить эту систему всем присутствующим в течение десяти вечеров, предупреждает, что сам запутался в своих выводах. Выходя из безграничной свободы, он заканчивает безграничным деспотизмом. Но кроме его разрешения общественной формулы не может быть никакого. Он предложил разделить человечество на две неравные части. Одна получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми человечества. Остальные должны обратиться в стадо и достигнуть первобытной невинности путем ряда перерождений. Его дуал Лямшин, у которого волевая сенсорика была программной функцией, предложил взорвать на воздух эти девять десятых, чтобы не мучились. Шигалев подтвердил, что это было бы самым разумным решением. Этот ответ подтверждает, что
волевая
сенсорика
(F) была его суггестивной функцией. Его болевая
этика
эмоций
(E) сказалась в день убийства. «Шигалев твердо шагнул к нему три шага: — Со вчерашнего вечера я обдумал дело, — начал он уверенно и методически, по-всегдашнему (и мне кажется, если бы под ним провалилась земля, то он и тут не усилил бы интонации и не изменил бы ни одной йоты в методичности своего изложения): — Обдумав дело, я решил, что замышляемое убийство есть не только потеря драгоценного времени, которое могло бы быть употреблено более существенным и ближайшим образом, но сверх того представляет собою то пагубное уклонение от нормальной дороги, которое всегда наиболее вредило делу и на десятки лет отклоняло успехи его, подчиняясь влиянию людей легкомысленных и по преимуществу политических, вместо чистых социалистов. Я явился сюда единственно, чтобы протестовать против замышляемого предприятия, для общего назидания, а затем — устранить себя от настоящей минуты, которую вы, не знаю почему, называете минутой вашей опасности, Я ухожу — не из страху этой опасности и не из чувствительности к Шатову, с которым вовсе не хочу целоваться, а единственно потому, что все это дело, с начала и до конца, буквально противоречит моей программе. Насчет же доноса и подкупа от правительства с моей стороны можете быть совершенно спокойны: доноса не будет.» И он ушел, не обращая внимания на наставленный на него пистолет. Таким образом, я считаю доказанным, что это
Бальзак
.

Виргинский

«Сам Виргинский был человеком редкой душевной чистоты сердца, и редко я встречал более честный душевный огонь. «Я никогда, никогда не отстану от этих светлых надежд», — говаривал он мне с сияющими глазами. О «светлых надеждах» он говорил всегда тихо, но сладостно, полушепотом, как бы секретно». По-видимому, это был *Есенин* (ИЭИ, ТЕ). В нем видны *интуиция времени* (T) и стремление видеть в жизни только ее светлые стороны, а также сильная эмоциональность. Он был человеком *второй* квадры, в которой пытался играть примиряющую роль. Он хорошо разбирался в чувствах людей, но *структурная логика* (L) и *волевая сенсорика* (F) не были его сильными сторонами. Пётр Верховенский воспользовался его слабостями, когда Виргинский заколебался, участвовать ли ему в убийстве Шатова. Сначала он активизировал его *структурную логику*, убедив его, что убийство является его гражданским долгом, ради которого можно пожертвовать всем, в том числе и счастьем, а потом нажал на *волевую сенсорику*, напомнив про общее дело, про то, что нельзя трусить в минуту опасности. Виргинский согласился с тем, что быть несчастным лучше, чем быть подлецом. Но когда дело было сделано, в нем снова заговорила *интуиция времени*, и он сказал, что это не то. При аресте он почти обрадовался: «С сердца свалилось». Но при этом не отступил от своих «светлых надежд». Таким образом, это, скорее всего, был *Есенин*

.

Даша

В этой девушке, прежде всего, поражают спокойствие и невозмутимость. Кажется, что ее ничто не может вывести из себя. Когда Варвара Петровна предлагает ей выйти замуж за Степана Тимофеевича, чтобы покрыть грехи своего сына, она ни словом не возражает. Когда капитан Лебядкин обвиняет ее в краже, она спокойно отвергает обвинения. При этом говорит спокойно, ровно, без малейшего смущения. Такое поведение указывает на уравновешенно-стабильный темперамент. Но для определения соционического типа этого мало. Надо ответить на вопрос, во-первых, *этик* она или *логик*, а во-вторых, *интуит* или *сенсорик*. Чтобы ответить на эти вопросы, нужно рассмотреть ее отношения со Ставрогиным. Когда-то она спасла его, удержав от греха двоеженства. Этим она восстановила против себя и Лизу и Лебядкина. Из ее разговора со Ставрогиным понятно, что она готова идти за ним куда угодно и на любых условиях. *Интуиция* подсказывает ей, что она ему еще понадобится. Если нет, то она собирается стать сиделкой или книгоношей, Евангелие продавать. Единственное, что ее волнует, — это не пролил он кровь; в этом сказывается ее *болевая* функция — *волевая сенсорика* (F). После этого сомнений уже не остается — ее соционический тип — *Достоевский* (ЭИИ, RI).

Лиза

«В этой натуре было много прекрасных стремлений и самых справедливых начинаний, но все в ней вечно как бы искало своего уровня и не находило его, все было в хаосе, в волнении, в беспокойстве. Может быть, она уже со слишком строгими требованиями относилась к себе, никогда не находя себе удовлетворить этим требованиям». Такая характеристика говорит о линейно-напористом темпераменте. Кроме того, Лиза очень эмоциональна и умеет воздействовать своими эмоциями на других. «Почему мне в эдакие минуты становится грустно, разгадайте, ученый человек? Я всю жизнь думала, что Бог знает, как буду рада, когда увижу вас, и вот совсем как будто не рада, несмотря на то, что я вас люблю …». По-видимому, она *Гамлет*. Ей требовался *дуал* с уравновешенно-стабильным темпераментом, но она любила Ставрогина, *тождественного* ей по соционическому типу. Это закончилось трагически …

Капитан Лебядкин

Жил на свете таракан, Таракан от детства, И потом попал в стакан, Полный мухоедства … Место занял таракан, Мухи возроптали. «Полон очень наш стакан»! Юпитеру кричали … На мой взгляд, в этом стихотворении очень удачно выражена программная функция этого персонажа — *волевая сенсорика* (F). К сожалению, стихотворение не закончено. Далее по плану автора, слуга выплескивает в лохань и мух, и таракана, но таракан не ропщет … Если бы автор так же удачно изобразил свою творческую функцию — *этику отношений* (R), то получился бы законченный портрет *Цезаря* (СЭЭ, FR). По словам Достоевского, « *признак этих людей — совершенное бессилие сдержать в себе свои желания, напротив, неудержимое стремление тотчас же их обнаружить со всей даже неопрятностью, чуть только они зародятся. Попав не в свое общество, такой господин обычно начинает робко, но уступите ему на волосок, они тотчас же переходят на дерзости* ». Образ карикатурный, но такой яркий, что дополнительных доказательств его принадлежности к типу *Цезарь* , по-моему, не требуется. Можно добавить, что он является *подзаказным* по отношению к Ставрогину, что проявляется в его шутовстве, и *подревизным* по отношению к его матери, что проявилось, когда он явился ее шантажировать, но получил такой отпор, что попросту струсил и так и не решился ничего сказать.

Мария Лебядкина

Я не знаю, можно ли типировать ненормального человека, но если это возможно, то, по-моему, Мария Лебядкина — *Гамлет*. Она была хрома и уродлива, но поражала тихая спокойная радость, выражавшаяся в ее улыбке, поэтому она внушала не отвращение, как многие подобные ей существа, обиженные Богом, а только жалость. Интересно, что своего братца, который бил ее нагайкой, она не боялась и называла своим лакеем. Если к ней применимы основные понятия соционики, то это можно объяснить тем, что она была его *заказчицей*, а он ее *подзаказным*. Она была чрезвычайной мечтательницей и могла целые сутки сидеть на месте. В ее мечтах, явно напоминающих бред, разобраться трудно, но главное место и них занимал Ставрогин. Он женился на ней после пьяного спора, и вместе они не жили, но тем больше ей было простора для мечтаний. Она представляла его ясным соколом, и тем сильнее была ее ярость, что похож не на сокола, а скорее на филина. Это место романа явно перекликается с другим, где Пётр Верховенский мечтает, как он сделает из Ставрогина народный миф, то есть Ивана Царевича. По реакции своей супруги Ставрогин мог реально убедиться, что бывает, когда народ разочаровывается в мифологических героях: «Он бросился бежать, но она тотчас же вскочила за ним, хромая и прискакивая, удерживаемая изо всех сил перепуганным Лебядкиным, успела прокричать с визгом и хохотом вослед в темноту: «Гришка От-репьев, а-на-фе-ма!»

Следует отметить ее поведение в гостиной Варвары Петровны. Она совершенно не смутилась, попав впервые в богатый дом, но все заметила и всему дала оценку: Варваре Петровне, которую она сравнила с игуменьей, Даше, которую она сразу оценила по достоинству. Вероятно, это работа ее
черной
интуиции
возможностей
(I). Скорее всего, она
Гамлет

.

Губернатор Лембке

«Он очень бы удовольствовался каким-нибудь самостоятельным казенным местечком, с зависящим от его распоряжений приемом казенных дров, или чем-нибудь сладеньким в этом роде, и так бы всю жизнь» Моя версия заключается в том, что губернатор Лембке — *Драйзер* (ЭСИ, RF). Одна из особенностей этого типа — стремление иметь надежный доход, обеспечивающий уверенность в завтрашнем дне. Его карьера устроилась, благодаря умению общаться с людьми, главным образом, соотечественниками. Этому способствовало также умение клеить разные вещи: поезда со станциями, кирхи с пасторами и прихожанами. Такое занятие требует большой усидчивости и терпения, что указывает на уравновешенно-стабильный темперамент. Он всегда был верен дружбе. Например, питал трогательное сочувствие к судьбе своего приятеля Блюма и постоянно его продвигал, несмотря на противодействие супруги. Его болевая *интуиция возможностей* проявилась очень резко, когда в городе появилась компания нигилистов. Он не смог взять ситуацию под контроль, а когда понял, что происходит, то было уже поздно — он сошел с ума.

Губернаторша Юлия Михайловна Лембке

По моему предположению, она принадлежит к соционическому типу *Гамлет*. Она вышла замуж в сорок лет, и судьба сыграла с ней злую шутку, продержав так долго в старых девах. В ее честолюбивом уме мелькали идея за идеей. Она хотела управлять губернией вместо мужа, выбирала направление, мечтала быть окруженною. По ее мнению, муж был мало честолюбив. Он слишком увлекался посторонними, с ее точки зрения, вещами: клеил разные вещи, писал романы. Она никак не могла вселить в него свое честолюбие. И тут появился Пётр Верховенский, про которого говорили, что он имеет связи везде и чрезвычайное влияние на столичную молодежь. Ее суггестивная функция — структурная логика — подсказала ей, что такого человека надо привлечь в свое общество, несмотря на сомнительную репутацию. Ее программная этика эмоций подсказала ей оправдание. Она решила, что привлечет к себе всех этих нигилистов,

сгруппирует их возле себя и тем самым спасет от гибели, указав им новую дорогу. К сожалению, деловая логика не относится к сильным сторонам этого соционического типа. Она сделала столько глупостей, что Петру Степановичу не стоило большого труда свалить на нее вину за всю ту кашу, которую он заварил вместе с приятелями: «А кто поощрял? Кто авторитетом своим прикрывал? Кто всех с толку сбил? Кто всю мелюзгу разозлил? Не вы ли гладили по головке наших поэтов и рисовальщиков? Не вы ли давали целовать ручку Лямшину? … Чего же вы удивляетесь, что против вас все так настроены?» Петр Степанович был
дуалом
Юлии Михайловны. Именно от него она ждала системного мышления и предсказуемого поведения. Она стремилась к порядку в собственной жизни и обществе, но не учла, что представления о порядке бывают и такими, как у Петра Степановича. Ей пришлось расплатиться за все: за скандал, за пожар, за болезнь мужа, за несколько убийств.

Лямшин

Это один из эпизодических героев романа, к тому же довольно карикатурно нарисованный, поэтому ему трудно дать развернутую характеристику. Тем не менее, можно предположить, что он принадлежит к соционическому типу *Цезарь*. Прежде всего, бросается в глаза его гибко-разворотливый темперамент. Он умеет втереться в любое общество и выкрутиться из самых сложных ситуаций. При этом он всегда точно рассчитывает других людей и умело играет на их слабостях. Так, например, он покорил губернаторшу, сочинив пьесу «Франко-прусская война» об актуальных событиях тогдашней политики. Вероятно, тут сказалась эталонная этика эмоций. Его умение сыграть на человеческих слабостях особенно ярко проявилось при встрече с Шатовым, когда тому понадобились деньги для того, чтобы оплатить услуги акушерки для своей жены. По словам автора, в голове Лямшина родился целый фейерверк идей, что говорит о ролевой интуиции возможностей. Итак, он скорее всего
Цезарь
.

Кармазинов

Хорошо разбирался в отношениях людей, особенно в том, как они относятся к нему лично. Любил целоваться при встрече, но при этом обычно подставлял щеку. Когда Пётр Верховенский сделал то же самое, и их щеки встретились, то он никак не показал, что его это задело, так как соблюдение приличий было для него выше, чем обида. Трепетно относился к своим рукописям. «Кармазинов с жадностью схватил рукопись, бережно осмотрел ее, сосчитал листки и с уважением положил покамест подле себя на особый столик, но так, чтобы иметь ее каждый миг на виду». Такое отношение к своим произведениям говорит о сильной *сенсорике*. Его активационная *интуиция времени* заставляет его заранее осведомляться о начале революции у того, кого он считает компетентным в этом вопросе. «А что, — пропищал он вдруг медовым голосом … — что если назначено осуществиться всему тому, о чем замышляют, то когда это могло бы

произойти?» Получив заверения, что к началу будущего мая начнется, а к Покрову все закончится, он проникновенно его благодарил. Его
болевая
интуиция
возможностей
проявилась при чтении романа «Мерси». Он совершенно не чувствовал связи с залом. Вместо того, чтобы прочитать маленький, но остроумный отрывок, он прочитал два листа жеманной и бессмысленной болтовни, да еще с таким видом, будто делал публике одолжение. Наконец дождался реплики: «Господи. Какой вздор!». Вместо того, чтобы ее не заметить, он спросил: «Я, кажется, вам, господа, порядочно надоел?» Потом программная функция взяла верх, и он сказал, что больше писать не будет, даже если его попросят на коленях. Вывод —
Драйзер
. К этому можно добавить, что читатели романа — современники Достоевского без труда узнали в этом карикатурном образе Тургенева, с которым Достоевский был не в ладах, и которого соционики также относят к типу
Драйзер

.

Автор - Инна Блашко

Литература:

1. *Стратиевская В.И.* Как сделать, чтобы мы не расставались. Руководство по поиску спутника жизни (соционика). — М.: Издательский Дом МСП, 1997. — 496 с.

2. *Филатова Е.С.* Личность в зеркале соционики: Разгадка тайны двойников. — СПб.: Б&К, 2001. — 286 с